

ГЛАВА 1

ОТБЛЕСКИ ТРИНЫ

**Женщина не может расцвести
на пустом месте.
Должен найтись садовник.**

Эвелина Хромченко

Выстрел был негромким. Непривычно негромким для разгара охотничьего сезона. Егеря зафиксировали его с некоторым удивлением, но не придали услышанному особого значения. Мало ли что навезли с собой на охоту очередные богатенькие постояльцы... Чем бы ни тешились, лишь бы не плакали.

Необычный выстрел встревожил только одного человека. Он вообще не любил ничего необычного. В этом таилась угроза привычному миру, который он старательно строил для себя долгие годы. Возводил стены. Укреплял защитные сооружения. Создавал свою крепость, которая в общем-то не могла пасть от одиночного выстрела. Тем не менее с непорядком следовало разобраться, поэтому человек, неслышно ступая по моховому ковру леса, двинулся в сторону, откуда прозвучал выстрел.

Не столько ожидая, сколько предугадывая его появление, стрелявший неспешно двинулся в глубь лесной чащи. Уходить далеко не было необходимости. Минут через пять, максимум через десять, он вполне мог появиться здесь снова, якобы привлеченный звуком голосов. В том, что голоса будут, он не сомневался. Как только найдут тело, сюда примчатся практически все.

МОЙ ЛЮБИМЫЙ СФИНКС

Времени как раз хватит, чтобы выбросить оружие. Понятно, что, когда начнется кипиш, его обязательно найдут. Но это не страшно. Все равно никто никогда не свяжет это оружие с ним. Так же как и человека, оставленного сейчас на поляне в луже собственной крови. Это невозможно. Совершенно невозможно. Так же невозможно, как подумать, что он мог стать убийцей. Он бы сам не поверил. И другие не поверят. Никогда.

Никогда больше не будет так, как раньше. Но после того, как он уничтожил виноватого в произошедшем негодяя, ему станет легче с этим смириться.

Темная длинная цепочка, с холодным достоинством текущая по пальцам. Тяжелый кулон, наверное старинный. Клипсы из крупных камней, в которых преломляется свет, купая комнату в отблесках тайны. Жемчужные бусы, когда-то знакомые с жизнью океана. Кольца, кольца, кольца. С рубинами, с изумрудами, с бриллиантами. Снова жемчуг, розовый, нежный. Еще один старинный кулон, витой, запутанный, как чья-то судьба.

Маленькая девочка, затаив дыхание, держит в руках большую шкатулку. Пусть всего на пару часов, но она — владелица всех этих сокровищ. Девочка примеряет бусы, вплетает в волосы цепочку, поднимает вверх растопыренные пальцы, чтобы не спадали чудесные кольца. Она — красавица. Она — волшебница. Она — королева. И у ее ног все рыцари и принцы земли.

Девочка любовно перебирает содержимое шкатулки, которую дает ей хозяйка дома. Дает каждый раз, когда девочку берут с собой в гости. Это очень удобно, когда ребенок на пару часов погружается в совершенно особый мир, не мешая взрослым.

В этом мире балы и пиры. Королевская охота и дуэли. Диадемы и таинственные подвески. Рубины, изумруды и бриллианты — разноцветные проявления Любви. Завитки платины, запутанные, как чья-то судьба.

Девочка, затаив дыхание, перебирает сокровища, лежащие в старой шкатулке. Она знает, что когда-то они принадлежали неведомой ей, но очень красивой и знаменитой столичной актрисе, сгинувшей в лихие сороковые годы.

Темная цепочка из стали. Тяжелый кулон из мельхиора. Клипсы темного чешского стекла. Венецианского в стране не будет еще лет пятьдесят. Жемчужные бусы из крупных кружочков пластмассы. Кольца, кольца, кольца. С разноцветными стекляшками, в железной оправе. Снова искусственный жемчуг, потрепавшийся от времени. Еще один кулон, завитки которого никогда не станут чьей-то судьбой.

Реквизит. Бижутерия. Дополнения к костюмам, в которых Актриса выходила на сцену в мире, где нет балов и пиров. Королевской охоты и дуэлей. И проявлений любви тоже нет. Ни разноцветных, ни черно-белых. Но маленькая девочка этого еще не знает.

Пройдет много лет, и она поймет, что многие сокровища в шкатулке жизни — всего лишь реквизит, который совсем не жаль на пару часов отдать в чужие руки. Поиграть. Помечтать. И снова сунуть на полку, не боясь сломать завитки судьбы.

МОЙ ЛЮБИМЫЙ СФИНКС

Но это будет через много лет. А пока маленькая девочка, затаив дыхание, держит в руках большую шкатулку, перебирает доставшиеся ей сокровища. Темную длинную цепочку, с холодным достоинством текущую по пальцам. Тяжелый кулон, наверное старинный. Клипсы из крупных камней, в которых преломляется свет, купая комнату в отблесках тайны. Жемчужные бусы, когда-то знакомые с жизнью океана. Кольца, кольца, кольца. С рубинами, с изумрудами, с бриллиантами. Снова жемчуг, розовый, нежный. Еще один старинный кулон, витой, запутанный, как чья-то судьба.

Понедельник

Она проснулась с ощущением счастья. Счастье было острым и сладким одновременно, как венгерский яблоковидный перец в банках, который в детстве она могла лопать не останавливаясь, несмотря на мамы испуганные сетования, что дочка испортит желудок.

Уже при виде доставаемой из холодильника под окном банки у нее начинали течь слюнки.

Надкусывая круглый, невиданный доселе маринованный овощ, она зажмуривалась от наслаждения, так ей было вкусно. Выпивая из надкушенного перца острую и сладкую жидкость, она липкими пальцами аккуратно переворачивала книжные страницы. Читать и есть вкуснятину — это было счастье. Оставшееся там, в детстве. Почему-то во взрослом возрасте погрузиться в ту же самую нирвану у нее никак не получалось, хотя она старательно пыталась читать

за едой. Мокрые следы на книжных страницах оставались, а ощущение всепоглощающего счастья никак не наступало.

И вот сейчас оно пришло во сне. Лежа под прохладной простыней, она старательно пыталась вспомнить, что именно ей снилось. Не перец же. Но мысли ускользали, смутные образы расплывались, окончательно теряли очертания, оставались за той гранью сна и яви, которую она уже преодолела. Просыпаться, не узнав, что же такое хорошее с ней приключилось, не хотелось. Она настойчиво жмурилась, надеясь снова вернуться к приятному и непонятному сновидению, но солнечный зайчик, проникший через неплотно закрытую штору, настойчиво щекотал ей нос. Злата чихнула и распахнула глаза.

Солнечная комната, в которой она спала, была абсолютно незнакомой. В первый момент Злата даже немного испугалась оттого, что не понимает, где находится. Тряхнув головой, она отогнала наваждение. Ну, конечно, она на охотничьей заимке, если эту роскошную базу с территорией почти в сотню гектаров можно так назвать. Просто они приехали вчера в полночь, шел дождь, а потому все вокруг казалось невыспавшейся из-за раннего отъезда из дома Злате мрачным и угрюмым. Чучела животных, обильно украшающих холл здания, где их поселили, ее напугали. Медведь с оскаленной пастью, волк с обнаженными клыками, многочисленные лисы, зайцы, совы и куропатки под потолком напомнили зал краеведческого музея, в который она в детстве (да что ее в детство-то тянет) во время обязательных школьных экскурсий ходила с тягостным чувством.

МОЙ ЛЮБИМЫЙ СФИНКС

Столовая с высокими стульями и массивным дубовым столом выглядела помпезной и неудобной. Уставшей и изрядно укачавшейся за семьсот километров пути Злате есть не хотелось, однако большая компания, в которую она попала совершенно случайно, шумно угнездилась за столом, поглощая тушеную оленину, котлеты из кабанятины и жаркое из медвежатины. Вспоминая оскаленные фигуры в холле, Злата чувствовала тошноту и мечтала подняться в свою спальню на втором этаже. Правда, забрасывая туда сумку и переодеваясь к ужину, она успела заметить шкуру медведя на полу у кровати и внутренне пережилась.

Больше всего на свете она жалела, что поддалась на уговоры своей лучшей подружки Светки и дала себя втянуть в эту авантюру. А как еще можно было назвать недельную поездку на охотничью базу, затерянную в архангельской глуши, в семистах километрах от родного дома?

— Златик, солнышко, но войди ты в мое положение, — нудела Светка, преданно заглядывая ей в глаза. — Меня Котик пригласил с ним поехать. Ты же знаешь, как давно я мечтала провести с ним отпуск. А компания — чисто мужская. Я среди них за две недели с ума сойду от этих охотничьих разговоров про выстрелы и трофеи. Они на вышку или на лабаз залезут, а я что одна буду делать? Мне и Котик сказал: возьми с собой подружку, чтобы не скучать. Поехали, а? У тебя же все равно отпуск.

Отпуск у Златы, конечно, был. В их структуре никого не спрашивали, когда кто в него собирается. Распределяли сами. В прошлом году Злата, к примеру, догуливала отпуск в ноябре, так что три недели, не-

ожиданно выпавшие ей в июле, могли сойти только за очень большое везение.

Так оно, конечно, и было. Но вот только воспользоваться этим самым везением на полную катушку Злата никак не могла. За месяц до внезапно образовавшегося отпуска она одолжила все отложенные на отпуск деньги другой своей подруге. Срок возврата долга истекал в конце августа, и Злата собиралась купить какой-нибудь горящий тур и в сентябре уехать недельки на две на море — в Грецию или, если уж совсем сказочно повезет, в Италию. И тут начальство неожиданно сообщило, что отпуск у нее прямо сейчас.

Подруга, которой она робко заикнулась про деньги, отреагировала бурно:

— Ты ж меня без ножа режешь! Я ж рассчитывала на конец лета. Мне сейчас денег для тебя взять вообще нигде. Это же форс-мажор.

То, что у самой Златы ситуация тоже оказалась форс-мажорная, у подруги в голове никак не укладывалось. В общем, отпуск накрывался медным тазом, перспектива провести две недели в душном раскаленном городе не казалась Злате привлекательной, поэтому предложение Светки Медведевой она восприняла с гораздо меньшим скепсисом, чем могла бы.

Неделя на свежем воздухе, среди лесов и полей, на благоустроенной базе со всеми удобствами и достижениями цивилизации, включая спутниковое телевидение и Интернет, да еще абсолютно бесплатно (все расходы брал на себя неизвестный Злате Котик), выглядела весьма привлекательно. В конце концов, ходить на охоту и бить зверя совсем не обязательно. А беседы со скучающей Светкой никогда не были

МОЙ ЛЮБИМЫЙ СФИНКС

Злате в тягость. Подружку она любила, тем более что та обладала легким, смешливым характером, никогда не обижалась по пустякам и рассказывала интересные и увлекательные истории из жизни областной газеты «Курьер», где трудилась начальником рекламного отдела.

Влюбчивая подружка все время влипала в романы, из которых потом тягостно и долго вылезала, не теряя при этом оптимизма и надежд на счастливое замужество. Вот и сейчас интрижка с главным кардиохирургом областной клинической больницы Константином Завариным находилась так же высоко в зените, как июльское солнце. Конечно, возможность две недели провести рядом с объектом своей страсти, вдали от его жены и детей, да еще в таком романтическом месте, была для Светки пределом мечтаний.

— Лучше бы он тебя на море свозил, — заявила Злата, оставшаяся в этом году без моря. Но Светка замахала руками.

— Да бог с тобой, на море кучу знакомых можно встретить, а тут вероятностей попасться ноль. Для жены он на охоте, причем, коню понятно, что в чисто мужской компании. Мужики его не сдадут. Так что всем удобно и выгодно. Ночью он со мной в постельке балуется, днем на охоту или рыбалку ходит, а мы с тобой зажигаем, телик смотрим, в общем, отдыхаем культурно. Кстати, официально нас с тобой в одном номере поселят, но я, естественно, к Котику перееду, так что номер останется в полном твоём распоряжении. Что море? Купаться и в реке можно. Там знаешь речка какая классная! Чистая-чистая, мне Котик рассказывал.

В общем, Злата позволила себя уговорить, о чем вчера вечером страшно сожалела. Злиться на себя она умела со вкусом, поэтому, около двух часов ночи наконец-то покинув мрачную столовую с уже хорошо набравшимися друзьями Котика и закрыв за собой дверь гостевой спальни, она всю предалась этому увлекательному занятию.

В душе (цивилизованном настолько, что Злата долго не могла понять, как открываются никелированные, похожие на устройства в космическом аппарате крапы) она даже поплакала немножко, так ей стало жалко себя, неудачливую, брошенную в какую-то глушь. Предстоящие семь дней представлялись ей серыми, тоскливыми, однообразными и унылыми, как дождь за окном.

«Совсем станет невоготу, уеду, — решила Злата, вытирая глаза краем пододеяльника с вышитым медведем — гербом данного заведения. — В конце концов, до поселка меня кто-нибудь наверняка отвезет. А оттуда доберусь сначала до райцентра, потом на автобусе до областной столицы, а там — поездом домой. Не бывает безвыходных положений».

С этой позитивной мыслью она уснула, чтобы проснуться с ощущением непонятно откуда взявшегося счастья. Судя по солнечному зайчику, дождя за окном не осталось и в помине. Поднявшись с кровати и старательно обогнув по периметру медвежьей шкуру, чтобы, не дай бог, на нее не наступить, Злата подошла к окну.

Откинув шторы, она не поверила собственным глазам. Прямо под окном текла прозрачная, гладкая как зеркало река. Для Златы, родившейся и выросшей

МОЙ ЛЮБИМЫЙ СФИНКС

на Волге, река не была невообразимым чудом, но эта выглядела как-то по-особенному.

Речная гладь была похожа на зеркало. Причем дорогое и старинное — с серебряной амальгамой. Такое зеркало висело в квартире подруги бабушки, и маленькая Злата любила в него смотреть. Не на себя, к своему отражению она с самого детства относилась спокойно. Ей казалось, что с той стороны волшебного зеркала живут сказочные существа, похожие на эльфов, и она, затаив дыхание, ждала, что кто-нибудь из них вдруг появится на поверхности.

— Фантазерка, — бурчала бабушка, застав ее у зеркала, — марш в комнату. Сейчас Фрида Яковлевна чай принесет с вареньем из фейхоа.

Чай с фейхоовым (или как там будет правильно) вареньем был таким же обязательным атрибутом похода в гости к Фриде Яковлевне, как и зеркало. Маленькая Злата ходила вместе с бабушкой, потому что не любила оставаться дома одна. А потом, спустя годы, провожала бабушку к любимой подруге, потому что самостоятельно ей уже было трудно добираться на другой конец города. И все эти годы не тускнела амальгама старинного зеркала и не переводилось в доме варенье из фейхоа.

— Бабуль, а где она его берет? — как-то полюбопытствовала Злата. — Я никогда в жизни фейхоа в продаже не видела.

— Племянник присылает. Из Санрана, городок такой недалеко от Баку. Не ее племянник, Левушки. Но у них прекрасные отношения. Он даже внука своего собирает отправить к нам учиться в институте. В Азербайджане же все за деньги. А денег у них как раз и нет. А у нас образование хорошее. Да и есть ко-

му за мальчиком присмотреть — и ему хорошо, и Фриде не так одиноко. А то она после смерти Левушки тоскует очень.

Племянника Злата помнила смутно. Он раз в несколько лет приезжал проведать родственников, и по этому поводу всегда устраивался большой званый обед. Злата на нем, конечно, присутствовала всего пару раз, когда родители уезжали отдыхать и она полностью оставалась на попечении бабушки. И Левушкиного внука, действительно приехавшего учиться, а потом так и оставшегося в их городе, тоже видела, но особо не запомнила. Он ее совершенно не заинтересовал. В отличие от Левушки с Фридой, с самого детства вызывавших сильнейшее Златино любопытство. Уж больно колоритной парой они были.

Левушка, Лев Моисеевич Горский, был ровесником века. Двадцатого века, разумеется. А Фрида — его третьей по счету женой, на 20 лет моложе мужа.

В молодые годы сын сапожника Мойши Горского был отдан в ученики в одну из московских типографий. Постигал он там не только азы печатной профессии, но и науку революции: таскал шрифт для подпольных газет, тихонько носил за пазухой гранки, участвовал в ночной печати. Приходилось ему убегать от городского, пригибаясь под тяжестью газетных пачек, и даже живого Ленина однажды видеть довелось, хотя Злата никогда в эти рассказы до конца не верила.

В партию большевиков Лева Горский вступил еще до революции, в 1916 году, и был, как и положено, ее

МОЙ ЛЮБИМЫЙ СФИНКС

преданным сыном. Он любил вспоминать, что революция дала ему, еврейскому мальчику из бедной семьи, возможность получить высшее образование. На всю жизнь он остался верен выбранной специальности и, закончив полиграфический институт, вернулся в свою родную типографию, где медленно, но неуклонно пошел вверх по карьерной лестнице.

Женился Левушка тоже рано. Уж больно стреляла в него глазами соседская Ривка, уж очень сладко было любиться с ней на чердаке родного дома, где в подвале орудовал дратвой его отец. А уж когда живот у Ривки, что называется, полез на нос, пришлось прикрывать грех браком. Левушка до самой смерти вспоминал, как всю свадьбу простоял, не в силах пристесть — порот был отцом за грех беспощадно, несмотря на партбилет.

Через четыре месяца после свадьбы Ривка родила Левушке сына Мишу. На дворе стоял 1921 год.

А в тридцать третьем главный инженер крупной московской типографии, коммунист с дореволюционным стажем, верный муж и отец Лев Горский, что называется, пропал. Пороть за новую любовь его было уже некому — Мойша Горский к тому времени уже пять лет лежал, завернутый в саван по обычаям предков, в сырой земле. И знал Лев Моисеевич, что ничем хорошим не кончится охватившее его любовное безумие, да сделать ничего не мог. Шел, как овца на заклание, как бык на веревочке, прыгал, как цирковой тигр в горящее кольцо, да и вообще вытворял любые фокусы, лишь бы только заслужить благосклонность Веры. Верочки. Верушки. Верунчика. Невозможной, безумной, горячечной своей любви.

Как бы ни казалось это странным, в первую очередь самому Льву, одна из первых красавиц Москвы, дочь известного адвоката, ответила на его чувства и стала его второй женой. С чувством глубокой вины, но и с непреклонной решимостью уходил он из дома, где на пороге в позе неизбежного горя стояла Ривка.

Наперерез уходящему отцу кинулся двенадцатилетний Миша с недетским совсем криком: «Папочка, не уходи!» Но, ведомый чужой путеводной звездой, Лев Моисеевич сделал то, о чем потом не мог вспоминать без содрогания, — перешагнул через лежащего на полу сына и ушел, убежал постыдно в новую, яркую, прекрасную жизнь.

— За это и поплатился, — с горечью говорил он на излете жизни, усмехаясь безвольным старческим ртом.

Расплачиваться пришлось в тридцать седьмом. Когда в Веру, звезду всех великосветских московских приемов, влюбился полковник НКВД. Неминуемость своего скорого ареста Горский чувствовал спинным мозгом и все равно оказался не готов к ночному черному «воронку», а главное — к тому, что было потом: к ночным пыткам светом в глаза, нескончаемым побоям, облыжным обвинениям в изготовлении вражеских листовок, своей подписи под согласием в том, что да, виноват. А главное — к тому, как быстро отказалась от него Вера. Развелась с врагом народа, публично отреклась и утешилась в объятиях того самого полковника.

— Вы никогда ее больше не видели? — затаив дыхание, спросила Злата, когда Горский как-то стал рассказывать эту историю. Они были в двухкомнатной, аккуратно прибранной и светлой квартире